
К столетию Дарвинизма

1858 — 1958

Александр Федорович Котс

Не легко найти в истории культуры что-либо подобное тому, как зарождалось величайшее открытие науки XIX-го века, именуемое **дарвинизмом**.

Мысленно перенесемся за столетие назад, к двум уголкам земного шара, столь несходным, но сыгравшим сходную, решающую роль в истории Естествознания.

Перед нами два ученых, проницательному взору, острому уму которых биология минувшего столетия обязана своим важнейшим обобщением.

Начнем с более известного и старшего, — он назывался **Чарлзом Дарвином**.

Вот он сидит в своей усадьбе, невдалеке от Лондона, в своей рабочей комнате, в покойном кресле, окруженный книгами.

Но не на них, не о печатные листы бумаги, опирается его глубокий ум.

Вверяя рукописи гениальные идеи, он лишь закрепляет в них итоги личных наблюдений над природой под различными широтами.

Этому личному знакомству с фактами, а не заимствованию их «третьих» рук, обязан Дарвин всего прежде своей славой главного обоснователя учения о происхождении живого мира.

Переводим взгляд на следующий образ, следующую картину.

Под шатром зеленых пальм Малайского Архипелага, царства «Райских птиц» и фееричных бабочек, этих летающих смарагдов и рубинов, застаем мы создателя учения о безграничном изменении живых существ — **Альфреда Уоллеса**.

Итак, тождественные мысли зародились независимо у двух ученых и на двух концах Земного шара.

Но возникшие в глуши, идеи Уоллеса сильнее жаждали поведать о себе, чем сходные идеи Дарвина, уверенного в их неповторимости, в своей научной монополии.

И вот, незримо пересекши два материка, два океана, мысли Уоллеса переступили потонувший в зелени порог усадьбы Дарвина.

В письме на его имя Уоллес только просит ознакомиться с его статьей.

Легко понять, как поражен был Дарвин этим обращением.

Двадцать лет вынашивал он сам аналогичные идеи, зароненные в него в лесах Бразилии, степями Аргентины и затерянными в океане островами «Конца Мира» — Галапагосского Архипелага.

Сам он не спешил доверить свои мысли миру. И случилось неизбежное.

Накапливая неустанно новые свидетельства и факты в подтверждение своей теории, сам Дарвин должен был признать себя опереженным.

Право первенства в создании учения о постепенности развития живого мира, «Эволюции», казалось навсегда утраченным присылкой неожиданной статьи Уоллеса, содержащей сходные воззрения. Да к тому же как легко могло явиться подозрение в позаимствовании Дарвиным чужих, доверенных ему идей.

По счастью, эти опасения оказались излишними.

Два давних и ученых друга Дарвина, которым он читал когда-то выдержки своей теории, не отказались выступить свидетелями ее давности. Они охотно взяли на себя заботу о единовременном и параллельном опубликовании статьи Альфреда Уоллеса и выдержки из более обширного труда, им переданные Дарвином.

Но прежде, чем касаться появления в печати этих двух статей, полезно временно оставить наших двух друзей-соперников и мысленно перенестись на более, чем два столетия назад, на Родину великого натуралиста Швеции — **Линнея**.¹

Перед нами — светлая, залитая лучами солнца небольшая комната и светлым, лучезарным смотрится ее хозяин.

Он сидит перед столом, усыпанным цветами и листвою, великий «Регистратор» тел природы, Карл **Линней**.

Подлинный фанатик «систематизации», он изживался в инвентаризации всего, что попадало на его орлиные глаза, классифицируя не только минералы и растения, или животных, но и современников-ботаников, указывая каждому свой ранг и положение среди ученых.

Но патриархально преданный учению церкви, наводнив свои научные труды цитатами из библии, Линней был у убежденнейшим сторонником учения, вернее, домысла о неизменности живой природы, соответственно церковным догматам.

Весь мир живых существ, животных и растений, представлялся чем-то первозданным, навсегда застывшим, неизменным если не считать случайных мелких уклонений, о которых не заботится — так думали — серьезная наука.

Таково ближайшее духовное наследие Линнея, внесшего порядок и систему в изучение природы, но природы неподвижной, неизменной в прошлом, как и в будущем.

Все это слишком хорошо известно.

Но не менее известна и судьба вещественного, материального наследия великого натуралиста.

В подтверждение прижизненного отзыва Линнея о своей супруге, как хорошей управительницы своего хозяйства, эта домовитая хозяйка не поколебалась распродать по смерти своего супруга вещное его наследие: коллекции, гербарии и книги.

Покупателем осиротевшего имущества Линнея оказалась Англия. «Владычица морей», она тем самым оказалась и передовой в деле познания живой природы мира. Именно к исходу 18-го века Англия стала ведущей в области исследования всемирной фауны и флоры. Этому немало поспособствовала национальная черта ее народа: страсть и любовь к животным и растениям.

Что удивительного, если англичане первыми откликнулись на предложение «хозяйственной» вдовы Линнея о покупке вещного его наследия.

В результате все его коллекции, гербарии и книги оказались в трюме корабля, спешащего доставить этот ценный груз британским берегам.

Есть, правда, мало достоверное повествование о том, что Шведское правительство как будто спохватилось и послало вслед за кораблем военное судно, чтобы вернуть Линнеево наследие его исконной Родине.. Та же легенда говорит о неудачности этой погони и в итоге вещное научное наследие Линнея достигло Англии — достойной восприемницы идейного и материального наследия шведского натуралиста.

И все же будущее оправдало меркантильные распоряжения вдовы Линнея.

По прошествии десяти лет с кончины знаменитого ученого Лондон отметил ее учреждением особого «Линнеевского общества».

Стоявшее на общепринятой тогда позиции учения о **постоянстве**, неизменности живой природы, это общество сыграло выдающуюся роль в истории обоснования диаметрально противоположного учения — теории извечной беспредельной **изменяемости** организмов.

Такова ирония истории: наследие «креациониста» «правоверного» Линнея оказалось восприемницей идеи эволюции. И, чтобы убедиться в этом историческом метаморфозе, нам достаточно вернуться к прерванному

¹ Главный труд **Линнея**, «**система природы**» в руководящем 10-м издании был опубликован в 1758 году, почему XV-й Международный съезд Зоологов в Лондоне пройдет под именем не только **Дарвина и Уоллеса**, **столетия их выступления /1858/**, но и под знаком **двухсотлетия** 10-го издания Линнеева знаменитого труда.

повествованию о том, как ликвидировалось мирное соперничество двух новаторов и реформаторов наук — **Дарвина** и **Уоллеса**.

Статьи обоих были одновременно опубликованы в журнале названного Общества, ровно сто лет тому назад, именно 1-го июля 1858 года.

Обе статьи заслуживают величайшего внимания и не только, как былые, исторические документы.

Вопреки их скромному и специальному заглавию, воззрения, в них проводимые, звучали вызовом Линнеею и Линнеевскому Обществу, всем вообще ученым, всей культуре того времени.

Сводился этот вызов к следующему положению:

Тот мир живых существ, что населяет шар земной, он не был создан в современном его виде, но является итогом бесконечных изменений по законам, понимание которых может быть доступно человеческому разуму.

Как некогда, тремя веками раньше, мир потрясен был вестью о вращении Земли, казавшейся дотоле воплощением покоя, так статьями Дарвина и Уоллеса в движение был приведен мир живых существ, считавшийся дотоле чем-то навсегда застывшим, неизменным.

Там — извечное движение в пространстве, здесь — во времени, но эта изменяемость **живой** природы угрожала больше потрясти мировоззрение людей, чем вычисления соперника, ибо касались величайшей тайны мироздания природы и происхождения Человека.

«Но касаться ближе содержания тех двух статей — выходит за пределы моей скромной речи, — цель которой лишней раз напомнить знаменательность той даты». 1-ое июля 1858 года, — даты зарождения новой Эры всей культуры человечества.

Но знаменательнее что в выступлениях своих оба их автора свое главнейшее внимание обращают не на **доказательства** самой изменчивости организмов, а лишь на одно из **объяснений** этого процесса, не на **факты**, а на **факторы**, причину эволюции. И причина эта — по воззрению и **Дарвина**, и **Уоллеса** — «Выживание более приспособленных» в борьбе за жизнь, за существование, неустанно свирепствующей в мире организмов.

С точки зрения **тактической** такая нелогичность может быть оправдана: вскрывать **причины** эволюции, не доказав ее **наличие**: имевшихся тогда в распоряжении науки фактов в пользу эволюции могло казаться недостаточным, пока не сделана попытка объяснения этого процесса.

Зубатые ископаемые птицы — словно связующие мир пернатых летунов с миром чешуйчатых гадов еще не были открыты и мирно покоились в земных недрах, а «парадный конь эволюционного учения» — ископаемые «предки» лошади только готовились к победному торжественному выезду перед трибуной дарвинистов.

Алогичность самого порядка обсуждения обеих названных проблем сказала, тем не менее, на всей последующей деятельности обоих авторов.

Всего заметнее на убеждениях **Уоллеса**, склонного рассматривать всю эволюцию животных и растений с точки зрения только «Естественного подбора».

В меньшей степени это смешение двух вопросов эволюционного учения сказалось в сочинениях **Дарвина**, хотя и он порою склонен был непризнание своей теории естественного подбора принимать за отрицание эволюции.

А между тем, неравноценность этих двух понятий эволюции как таковой, и ее факторов, прекрасно сознавалась величайшим дарвинистом и ближайшим другом **Дарвина** — **Томасом Хаксли**, как то явствует из хорошо известного его суждения:

Хорошо известно, что столетие, протекшее со дня, когда Линнеевское Общество раскрыло миру величавые идеи эволюции, внесло немало коррективов в это величайшее из обобщений.

Но известно также, что поправки эти не поколебали основной заслуги двух великих обобщающих умов, как первых подлинных основателей учения о беспредельной изменчивости живого мира.

И заканчивая этот скромный, сжатый очерк в память о столетней годовщине первых выступлений двух великих реформаторов науки, **Дарвина и Уоллеса**, полезно еще раз возможно шире осветить значение и сущность содержания их двух статей.

Значение и ценность в них мы полагаем в том, что в них мы видим первую серьезную попытку приподнять завесу с величайшей тайны, исконно сокрытой от пытливого тайны генезиса организмов.

Хорошо известно, что успех этой попытки до сих пор расценивается по-разному, в зависимости от достоинства и широты исканий, глубины запросов вопрошающих.

Но, каковы бы ни были эти оценки, несомненным остается полный и решительный переворот в самом подходе к изучению живой природы, выражаясь образно — в самой манере приподнять края «Завесы».

Думать, что завеса эта до конца раскрыта — значило бы упрощать, вульгаризировать природу, а тем самым — подвиг двух великих вопрошателей ее, труду и памяти которых посвящаются эти страницы.

Здесь как и в любой науке и любом искании идейного порядка, может быть уместным вспомнить о заветах двух других великих обобщающих умов все той же Англии:

Франциска Бэкона, предупреждавшего от однобокого, одностороннего подхода при искании истины, и величайшего из дарвинистов Англии, **Томаса Хаксли**, и его совета:

«Сядьте, как ребёнок малый перед фактом, будьте готовы отказаться от любого предвзятого мнения, покорно следуйте, куда бы природа вас ни привела, иначе вы ничему не научитесь.»²

/Проф. А.Ф. Котс./

² «Жизнь и письма **Томаса Генри Хаксли**,» том 1, стр. 219.